

Тихонов А.В.: «Мне самому интересно понять, как получилось, что я стал заниматься социологией»

Перечитывая интервью с Александром Васильевичем Тихоновым, а мы с ним принадлежим к одному — третьему — социологическому поколению, одной социологической школе — ленинградской, или ядовской, знакомы долгие годы, я поймал себя на мысли о том, как же далеки от нас, сегодняшних, те события, которые он описывает. И дело не только в количестве лет, пробежавших с тех пор, а в том, что происходило это все в другой стране, в совершенно иной политической и социальной обстановке. Возможно, пройдет еще 5-10 лет, а может быть, отчасти это время уже и наступило, и будущим читателям придется обращаться к много старшим их коллегам или направленно читать книги и статьи 60-х — 80-х годов, чтобы понять то время. Действительно, как объяснить, почему человека обвиняли в антисоветской деятельности за создание лектория под названием «Институт молодого марксиста»? Почему работы Н.И. Бухарина можно было читать лишь в спецхране (что это такое?)? Почему в своих воспоминаниях человек соотносит исключение из рядов КПСС с заключением в тюрьму? И так далее. То, что нам было тогда понятно без слов, по умолчанию, пришлось бы долго объяснять. Но поймут ли? Как дальтонику объяснить, что красная ягода очень заметна на фоне зеленых листьев?

Говоря о 70-х, Тихонов вспоминает об очень сильном молодом коллективе социологов, который объединил вокруг себя Овсей Ирмович Шкаратан. Цитирую: «В лаборатории тогда он собрал много замечательных людей. Не могу не перечислить. Это: А. Алексеев, А. Баранов, Ю. Щёголев, М. Борщевский, А. Вейхер, В. Петров, Г. Старовойтова, М. Алесина, С. Розет».

Как в дальнейшем сложилась жизнь этих десяти человек?

Шкаратан вскоре вынужден был уехать из Ленинграда в Москву. Рано умерший Сергей Розет, физик, философ, социолог, поэт — первым в этой команде ушел работать на завод и лишь тогда ощутил чувство внутренней свободы. За ним ушли Юрий Щеголев и Андрей Алексеев. Щеголев — физик с очень интересными идеями о связи физических и социальных законов, многие годы до пенсии проработал в котельной и в науку не вернулся. Алексеев отработал семь лет на заводе станочником, прошел через исключение из КПСС и восстановление в ее рядах, испытывал давление со стороны КГБ, был «прорабом перестройки», смог вернуться в социологию с мнотомником «Драматическая социология...», содержащим новые методологические идеи и яркие описания наблюдавших им социальных коллизий. Михаил Борщевский, лидер, генератор интересных идей по социологии города, эмигрировал в Англию. О трагической судьбе Галины Старовойтовой не надо рассказывать. Недавно скончавшийся социальный психолог и социолог-урбанист Альберт Баранов был членом первого состава Ленинградского Законодательного собрания и сыграл заметную роль в процессе возвращения городу его исторического имени; долгие годы писал заветную книгу макросоциологического содержания; но так и не смог ее завершить... Валерий Петров, защитив в 26 лет кандидатскую диссертацию, вскоре погиб в автомобильной катастрофе. Через очень непростые жизненные обстоятельства пришлось пройти Марии Алесиной и Андрею Вейхеру.

Читая о том, как сложилась жизненная траектория самого Александра Тихонова, наверное, подумаете, а справедливо ли сводить историю нашей науки лишь к анализу теоретических

конструкций, созданных российскими социологами и собранными ими эмпирическим материалам? А как же без человека, исследователя? Никак.

Борис Докторов

— Сколько лет, десятилетий мы знакомы ещё по ленинградской жизни? Но из книги «Социологи России» я с удивлением узнал, что родился ты в городке со странным названием «Сатанов» на Украине. Это твоих родителей туда забросила судьба или в тех краях Украины давно жили твои предки? Вообще, насколько глубоко ты знаешь историю своей родительской семьи и как проходили твои детские годы?

— Спасибо за вопрос. Действительно, я появился на свет в городе Сатанов Хмельницкой области УССР в октябре 1939 года. Астролог Исидан Дан, например, считает, что Весы — самый общественно-политический знак. Знать бы это раньше, я бы скорее поступил на философский факультет Ленинградского университета, чем на механико-технологический Лесотехнической академии, но о последнем я ничуть и не жалею. К.М. Тихтарев (1871 — 1925), например, автор первого в России полного учебника по социологии, считал, что настоящим социологом может быть только учёный с естественно — научным образованием. Насчёт настоящего я ничего не могу сказать, потому что всегда себя чувствую в этой области дилетантом, но вот то, что лесотехническое образование мне всегда помогало и помогает, могу подтвердить. О месте своего рождения я узнал кое-что интересное относительно недавно, от известного телеведущего НТВ Л. Парфёнова по одной из его передач из истории России. Оказалось, что по происхождению я — «западник», поскольку ещё с 18 — го века Сатанов был самым западным городом тогдашней российской Империи. Он располагался на самой границе с Польшей, на реке Сбруч. То. в истории это место как-то отмечено, но что я мог бы вспомнить, если меня увезли оттуда в возрасте семи месяцев? Правда, из разговоров в семье я кое-что важное знаю. В Голодомор в этом городе умерли от голода родители моей мамы Загурской Анны Тимофеевны (её отец, мой дед, был краснодеревщиком, а её мать, по фамилии Лисиньская, шведёй). Мой отец, Тихонов Василий Фёдорович (из донецких казаков, что под Луганском), был призван в 1938 г. в качестве резервиста в армию для участия в присоединении Западной Украины к СССР по пакту Молотова-Риббентропа. Воинская часть и расположилась в этом самом Сатанове. Его отец, мой дед, Фёдор Макарович, до февраля 1917 г. служил в офицерском звании врачом-ветеринаром в Царских конюшнях (что на Конюшенной площади в С-Петербурге). Может поэтому меня всегда тянуло в Питер. Не знаю. После февральской революции он ушёл на Запад, но недалеко. Осел в Болгарии. В советское время семье это обстоятельство стоило немалых неприятностей. Похоронен в Софии. Во время войны отец командовал подразделениями «Катюш» и закончил её под Кенигсбергом. Мы с мамой пережили войну у родственников

под Луганском. Там были на волоске от гибели. Нас в 1943 г. прикладами выгоняли немцы на снег, на расстрел. Спас разведчик штаба наступающей дивизии, который позднее погиб в Венгрии. Это я описал в своём романе «Развилка» (2010 г). Поэтому все сегодняшние сводки о боях на Юго — Востоке Украины я переживаю по-особому. На Донбассе, в г. Алчевске, я пошёл в 1945 году в 1-й класс. Как сейчас помню, тетрадей не было. Первые буквы писали на газетах. После войны у родителей были попытки обосноваться на Западной Украине, но по причинам бандеровской активности, это не получалось, и мы переехали в Керчь, где я и закончил среднюю школу № 11. В эти годы, наряду с интересом к древней Греции (Керчь — Корчев когда-то была столицей Пантикапейского царства), у меня впервые появился интерес и к жизни общества. Дело в том, что у нас дома временами собирались бывшие фронтовики. Помимо разговоров об окопной правде, они толковали о несправедливости, скептически высказывались и о строительстве коммунизма, поскольку лозунги расходились с реальностью. Тогда я (семиклассник) впервые взял в руки «Капитал», чтобы самому разобраться, почему так получается. Конечно, я ничего не понял, но интерес к справедливому обществу остался. В романе, о котором я упомянул, это романтическое состояние поиска «правды жизни» описано как собственное наивно-детское открытие формулы «предустановленной гармонии». Так было на самом деле. Этот эпизод не придуман.

— Рано же ты прикоснулся к «Капиталу»... итак, школа закончена, что далее?

— Рано не рано, но у меня с этого началось философско-социологическое самообразование: сначала Экономическо-философские рукописи 1844 года К. Маркса, это было интереснее и понятнее, чем «Капитал», потом франкфуртские неомарксисты Лукач, Хоркхаймер, Маркузе, Адорно, Хабермас и тот же В. Фрике, который в 60-е годы занимался в индустриальной социологии проблемой социального участия. Со всего этого в совокупности я и начинал вхождение в социологию. Чем я тогда руководствовался в идейном плане? Это видно из факта. В 1978 г. Андрей Алексеев проводил секретный опрос друзей-единомышленников «Ожидаете ли Вы перемен?» (опубликован в 1992 г.). За этот опрос его преследовали органы безопасности, но он никого из респондентов не выдал. Мои ответы там были зашифрованы под псевдонимом «Октябрь». Я тогда уповал на верхушечные изменения в СССР под влиянием идеологии неомарксизма. Были надежды на косыгинскую реформу. Само возрождение отечественной социологии выросло из этих надежд. Позднее я считал, что перемены реализуются через горбачёвскую перестройку и социал-демократию. После провала перестройки я стал одним из организаторов РОСДП (Российской объединённой социал-демократической партии), руководителем её Санкт-Петербургского отделения. Был у меня в этом прогнозируемом тексте и худший вариант, который, к сожалению и реализован. Я и сейчас считаю, что какая-либо гибридная форма традиционного для России соборно-авторитарного идеала с идеалом либеральной социал-демократии могла бы вылечить страну от традиционного социокультурного (по А.Ахизеру) раскола, но это уже проблема не нашего поколения. Извини за отвлечение.

А теперь отвечаю в рамках заданного тобой вопроса: школа и т.д. После окончания школы (1956), год работал станочником на деревообрабатывающем предприятии, а в 1957 г., за компанию со своими друзьями детства, поступил в Ленинградскую лесотехническую академию. Закончил её в 1962 г. с дипломом инженера по автоматике и телемеханике. С первого курса занимался научно-исследовательской работой по профильной кафедре, а с 3-го курса стал членом комитета комсомола по печати, выпускал огромную (2 на 8 метров) стенгазету, первым редактором которой был Олег Попцов, многим известным как перестроечный деятель и писатель.

Лесотехнической академии я всегда благодарен и за естест-

венно-научную подготовку, и за дружную и тёплую студенческую жизнь (до сих пор собираемся раз в 5 лет) и, особенно, о чём мало кто знал, за фундаментальную библиотеку, директором которой, была незабвенная Зоя Александровна. Она заметила по формуляру мой интерес к общественно-политической литературе и дала возможность сидеть в книгохранилище, в том числе и в спецхране. Я мог читать всё, что угодно, в том числе и закрытые стенографические отчёты партийных съездов, даже труды «врагов народа» (Бухарина, например), которые она, с риском для жизни, сумела сохранить. Нужно сказать, что свойство революций, пожирать своих детей, прочно засело в мою голову как коварство истории. Я поверил в возможность исправления несправедливости по отношению к жертвам красного террора с приходом к власти Хрущёва. Подтверждением этих надежд была развернувшаяся в стране компания осуждения культа личности и сталинских репрессий. В обстановке «оттепели» я дал согласие на избрание меня секретарём Выборгского райкома комсомола, хотя меня и отговаривали умудрённые в политике люди от этого шага. Это был Выборгский район Ленинграда, известный по фильму «Выборгская сторона», поверил в торжество справедливости. Ко мне стали приходить, вышедшие из лагерей, потрёпанные, но несломленные духом молодёжные лидеры 20-х годов. Особую роль в моей политической социализации сыграла дружба с удивительно стойкими и убеждёнными в правоте своего дела людьми, бывшими лагерниками А.И.Мильчаковым, З.Н. Немцовой и Р.Я. Юровской. Я стал выступать с позиций защиты интересов молодёжи и повышения её роли в общественной жизни, как того, собственно, и требовали партийные декларации. Какое-то время меня терпели, но после снятия Хрущёва всё изменилось. Я продолжал верить в восстановление т.н. ленинских норм общественной жизни, а мне говорили, что я технар и не разбираюсь в законах общества. Лукаво намекали на то, что сидевшие в лагерях были освобождены только как граждане, но они не были реабилитированы политически. Следы тех разборок со мной остались в журнале «Юность» №11 за 1966 г., в моей статье под названием «Спор ещё не окончен», за которую редактор Б. Полевой получил партийный нагоняй. Спор действительно был и ни много ни мало с первым секретарём райкома партии. Я выступал за повышение роли молодёжи в управлении общественными делами, а он обвинял меня в троцкизме. Что касается слабости моей теоретической подготовки, то я и не возражал. Открыл для таких неучей, как сам, лекторий во Дворце труда под названием «Институт молодого марксиста», на котором, в качестве лекторов, стали выступать лучшие умы того времени, как я полагал, из ЛГУ и не только: В.И. Свидерский, В.А. Штофф, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, О.И. Шкаратан. Конечно, долго такое свободомыслие продолжаться не могло. В период вторжения наших танков в Прагу мне уже на полном серьёзе стали шить дело о создании антисоветской организации «из числа идейно незрелой молодёжи». Выручали и помогали и отсидевшие срок ветераны комсомола. Возможно, поэтому меня тогда только исключили из рядов, но не посадили. Хотя, как потом выяснилось, такой план был. Самый решительный и смелый шаг в критической ситуации сделал О.И. Шкаратан. Он уговорил ректора ЛФЭИ им. Вознесенского Ю.А. Лаврикова (самого из семьи репрессированных) взять меня в его Межинститутскую социологическую лабораторию, где я и сделал первые самостоятельные шаги в социологии.

— Конечно, ниже я попрошу тебя продолжить линию твоего собственно биографического повествования, но я (и будущие читатели нашего интервью), заинтригован твоим упоминанием романа «Развилка» и уже давнего материала в «Юности». Не могу сказать, что ты — единственный среди советских/российских социологов, которые активны и в литературной деятельности. И все же — это нечастое явление. Пожалуйста, расскажи подробнее о том, когда ты втянулся в писательство, на-

зови свои основные произведения и введи в содержание романа «Развилки».

Поясно, почему для меня это интересно... В моих биографических исследованиях есть такое понятие, как «область свободы» личности; конечно, понятие — условное, и все же... скажем, для Бориса Грушина это были баня и пиво... без них нет Грушина... замечу, живя в Праге он написал книгу «Истина в пиве». Для некоторых моих респондентов область свободы — джаз, театр... Для покойного Бориса Дубина — переводы; для Андрея Алексеева (и покойного Розета, да, Сергей писал очень приличные стихи) — уход в рабочие, или вспомним А.А. Зиновьева, попробуй оторви его книги от его философско-социологических работ... уверен, твое литературное дело — часть тебя, часть, тебя как личности и социолога... потому, пожалуйста, опиши этот опыт ..

— Что я могу на это ответить? С «Юностью» получилось так. Я организовал встречу редакции журнала, с молодёжью в Выборгском ДК, в период, когда на журнал начались очередные гонения, и рассказал о своей оценке положения дел в комсомоле. Сказали: «пиши». От редакции был, кстати, и Булат Окуджава. Я дописался до того, что на меня завели партийное дело. В натуре моей, наверное, есть художественная жилка, она и сработала. Научную статью, например, порой, долго не могу написать, пока не найду сюжетную линию и нужную интонацию. Посмотри, кстати, моё эссе о В.А. Ядове в книге к его юбилею «Vivat, Ядов»; в ней это особенно заметно. Писал три месяца. Есть, конечно, и всякие литературные поделки. Напечатан, например, сборничек стихов под названием «День благодарения», есть даже черновики двух пьес, но жизнь была такой, что не было возможности погрузиться в литературное творчество. Может быть, на пенсии наверстаю, но тоже вряд ли. Уже мне 77, а она, пенсия, всё никак не наступает. Дел много. Но Бог с ней, с пенсией. Пусть и не наступает. А область «свободы личности», о которой ты пишешь, действительно существует и для нашего с тобой социологического, считай писательского труда, она очень даже необходима.

Теперь о романе. Моя жена, большой художник во всех смыслах этого слова (будешь в Москве, заходи, увидишь её уникальные фарфоровые скульптуры из области балета и не только) и совершенно не публичный человек. Она опубликовала два сборника прекрасных повестей и рассказов «Ночное солнце» и «Время московское» под псевдонимом Элина Нечаева. До этого у неё была повесть под названием «Экспресс». Читателю понравилось, и он потребовал продолжения. Подбила на это дело и меня. В результате появился роман общий «Два в одном», где соединилось два творчества: её роман «Экспресс» и мой «Развилка» под псевдонимом Элина и Александр Нечаевы. Его можно узреть и даже заказать по «Озон. ру».

Хотя тебе это делать не обязательно, подарю при встрече. Мы описываем поворотные события в нашей стране второй половины 20-го века вплоть до начала нового столетия. Это живое свидетельство того, как мы жили перед революцией 1991 года и после неё. Никто из нашего поколения, да и из последующих, не смогут отнестись к этому времени равнодушно. Во Франции до сих пор (больше 200 лет прошло) пытаются разобраться, что представляет собой их великая революция. Так будет и с нашей. Но основное внимание уделено, конечно, вечной теме — драме отношений между мужчиной и женщиной. Жизнь героев, похожая вначале на экспресс, попадает в зону бифуркации (отсюда последующая за ней развилка). Но настоящая драма в том, что они живут в старом времени и не отдают себе отчёта в том, что с романтической идеей железно «предустановленной гармонии» им, как и всему человечеству, с идеей неизбежного линейного прогресса придётся распрощаться навсегда. Такова цена современной развилки. Тебя может, удивит, что основной герой не социолог. Но то, что он не простой технарь, читатель почувствует сразу. Склонность к литературе,

как ты правильно отметил, не мешает науке: ведь то, что нельзя сказать рациональным языком, то можно выразить в художественной форме.

— Теперь вернёмся к хронологии твоей жизни; в каком году и как ты полностью вступил на социологическую тропу? Какие основные проблемы ты тогда изучал?

— Мне тоже интересно понять: как получилось так, что я, в конце концов, стал заниматься социологией. Ведь за эти годы я дважды или трижды возвращался к своей инженерной специальности, а в конце комсомольской карьеры поступил даже в аспирантуру на родную кафедру автоматики и телемеханики ЛТА. И тем не менее снова соскользнул на «опасную военную тропу». Я думаю, что причиной этого было предчувствие крутых перемен в обществе, а социологи были для меня теми людьми, с которыми можно было честно и откровенно всё это обсуждать. Отсюда и произошло моё невольное участие в возрожденческом этапе отечественной социологии. Теперь остаётся дилемма: как об этом кратко и доходчиво рассказать читателю, чтобы мой нарратив не оказался плоской автобиографией.

Попытаюсь просто обозначить некоторые темы, которыми я занимался в различное время вперемешку со значимыми событиями 70-х годов. Итак, мне нет и 30-ти. В стране идёт профилактика инакомыслящих в связи с вторжением в Чехословакию. Спасали меня, как я уже говорил, многие, но конкретно предложил заняться социологией О.И. Шкаратан. Он хорошо знал, что в это время меня уже исключают из КПСС на уровне райкома и горкома партии, запрещают работать в вузе «за поддержку антисоветских элементов из числа идейно незрелой молодёжи». И тем не менее взял к себе. В лаборатории тогда он собрал много замечательных людей. Не могу не перечислить. Это: А. Алексеев, А. Баранов, Ю. Щёголев, М. Борщевский, А. Вейхер, В. Петров, Г. Старовойтова, М. Алесина, С. Розет. Но и сам Овсей Ирмович, был знаковой фигурой. Безо всяких скидок, он — один из выдающихся отцов-основателей возрожденческого этапа отечественной социологии. Над входной дверью его лаборатории некоторое время, пока партком не заставил снять, висел актуальный и сегодня плакат: «21 век будет веком социологии или его вообще не будет».

Когда обсуждался проект хоздоговора между ЛФЭИ и производственным объединением ТАТНЕФТЬ о проведении комплекса исследований проблем социально-экономического развития территории Ромашкинского месторождения, я вызвался переехать туда на постоянную работу, чтобы координировать исследования на месте. Это было воспринято с пониманием, поскольку «волчий билет» у меня уже был на руках. Поддержал меня и ректор ЛФЭИ Ю.А. Лавриков. Как потом оказалось, добровольно-принудительная ссылка продлилась пять лет. Нужно отдать должное тогдашнему руководству объединения ТАТНЕФТЬ и лично Герою социалистического труда Р.Т. Булгакову, который не только не испугался принять исключённого из партийных рядов ленинградского социолога, но и создал условия для его жизни и работы. Вскоре к нам на полевом этапе присоединились москвичи Н.И. Лапин и А.И. Пригожин с проектом исследования проблем социальной организации. Без лишнего пафоса можно сказать, что эти годы стали для меня самыми настоящими социологическими университетами. Они нашли отражение в публикациях участников, а у многих и в диссертациях (Борщевский, Старовойтова, Петров, Вейхер и др.). Там я нашёл и фронтовика, профессионального философа, выпускника ИФЛИ Л.М. Адлера, долгие вечерние прогулки по городу с которым, повысили мою социологическую квалификацию. Во всяком случае кандидатский экзамен по истории философии сдал на отлично.

В конце пятилетнего срока «ссылки» я защитил кандидатскую диссертацию в Казанском университете по теме: «Содержание и организация труда как факторы формирования отношения к труду». Здесь мне удалось затронуть весьма актуальную

проблему промышленной социологии того времени. Я взял показатели отношения к труду из исследования Ядова и Здравомыслова «Человек и его работа», методику построения социально-профессиональных группировок из исследований Шкаратана и проверил гипотезу о влиянии на отношение к труду отношений управления, привязав их к рабочим местам. Мне представляется, что эта проблема сегодня является ещё более актуальной, чем тогда. Нелишне напомнить, что само понятие «социальная организация» было ещё под идеологическим запретом, с чем и столкнулся при защите докторской Аркадий Пригожин. Получилось, что действие социальных отношений в организациях сопоставимо с действием творческого характера труда, связанного со степенью его механизации. Результатом стало моё довольно неуклюжее понятие «производственная самостоятельность», трактуемое как «свобода на рабочем месте», которое я позднее ввёл в теоретико-прикладной толковый словарь по социологии труда В.А. Ядова (см. М., Наука, 2006), но которое не оказало серьёзного влияния на развитие отечественной промышленной социологии, кроме разве что использования в исследованиях Б.Тукумцева в Куйбышевском университете. Тогда я невяно ответил на острую полемику между В. А. Ядовым и В.Я. Ельмеевым относительно различий между техническим и социальным содержанием труда, но сам ещё представления не имел о той полемической буре, которая в эти же годы раздирала изнутри франкфуртскую школу. Речь у них шла о различии стратегий технизации и гуманизации на производстве (о т.н. социальном участии), а также о различии методологий целерациональности по Веберу и коммуникативной рациональности по Хабермасу. Только сейчас эти проблемы начинают обсуждаться в нашей специальной литературе. В итоге первым оппонентом у меня на защите был сам В.А. Ядов, а А.Г. Харчев вскоре специально встретился со мной в Ленинграде, долго расспрашивая об этом исследовании, а потом быстро опубликовал его результаты в «Социсе» за 1975 г. Видно и тот, и другой что-то знали о глубинной стороне проблемы отношения к труду, но со мной не поделились. Можно сказать, что с этого момента я мог бы считать себя социологом. Подробности об этом периоде можно прочесть в коллективной монографии «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» под ред. Н.И.Лапина (М., 2005), где я выступил с обобщающей статьёй: «Основопологающий факт истории отечественной социологии организации и управления». Кроме того в этой книге представлены методики исследований моего Отдела промышленной социологии объединения ТАНЕФТЬ, бережно сохранённые Н.И. Лапиным. Там, кстати, представлен и разработанный нами инструментарий исследования такого феномена, как идентификационное ядро социальной организации. В этой связи расскажу ещё об одном казусе вхождения в «большую социологию», связанным со слабым знанием мною западной литературы. Она приходила ко мне с опозданием и из вторых рук. Так, ещё в 1970 г. я высказал идею ограниченности структурного социально-профессионального анализа любых организаций и выступил за необходимость дополнения его социально-функциональным анализом типа: ядро — полупериферия — периферия. Старшие и очень уважаемые мною товарищи (Ядов, Шкаратан, Лапин) обсмеяли меня за попытку создания «ядерной социологии» и отбили охоту дальше заниматься этой темой. Сейчас, после работ И.Валлерстайна с его анализом миросистемы по «ядерной» схеме, эта идея кажется само собой разумеющейся. Я всё же приспособил её в 90-е годы к обоснованию проблемного поля новой в России отраслевой дисциплины под названием «социология управления». Это всё же не то, что социология менеджмента, как это считалось и до сих пор считается у нас в литературе.

В итоге можно сказать, что уже в 60-70 гг. прошлого века в СССР сложились собственная теоретико-методологическая основа и эмпирическая база отечественных исследований про-

блем организации труда, производства и управления, в создании которой, вместе с Н.И. Лапиным, Н.Ф. Наумовой и А.И. Пригожиным принял участие и я, наряду с группой таких заводских социологов как В. Герчиков, В. Щербина, Ю. Неймер, А. Зайцев, Б. Тукумцев и целым рядом других. Тогда косыгинские реформы действительно давали надежду на переход к этапу интенсивного развития производства и страны. Однако многие наши разработки так и не нашли применения. Причина одна: страна тогда, как, во многом и сейчас, не может сойти с экстенсивной колеи. Все последующие политические кувырки и сегодняшние трудности я связываю с несистемными и одновременно неумными попытками преодоления исторически заданной инерции, которая на самом деле носит социетальный характер.

Сегодня, в связи с опытом перехода к рыночной экономике и постигшими нас деиндустриализацией с олигархизацией, наши наработки по социологии организаций и управления всё ещё остаются не востребованными. Но думаю, что они не потеряны навсегда. По крайней мере, рождённое нами в те годы социологическое подразделение в объединении ТАНЕФТЬ работает и сейчас. Да и созданный с моим участием в Институте социологии РАН Центр социологии управления и социальных технологий работает в этом же направлении.

— Будем считать, что с выходом на социологическую тропу мы справились. Теперь хотелось бы узнать, как сложилась твоя карьера, если уместно это слово, в дальнейшем?

— Дальше, если продолжать разговор не просто о карьере, а о профессиональной жизни, могу выделить три периода: 1) с 1975 до 1990 г. — руководство научно-исследовательской лабораторией в системе профсоюзов и инженерная работа в ПО ЭЛЕКТРОНМАШ; 2) приобретение опыта и деятельности в рыночной экономике в качестве организатора петербургского и общероссийского союза страховщиков, разработка учебного курса в области социологии управления с отвлечением в 1990-1991 г. на работу в составе Правительства Ленинграда-С.Петербурга в качестве зампреда по социальной политике демократического Ленгорисполкома (кстати, по рекомендации питерской Ассоциации социологов и непосредственно А.Алексеева) и 3) современный, академический этап. Последний можно отсчитывать с 2000 г., когда я издал монографию под названием «Социология управления» и защитил в С-Петербургском университете докторскую диссертацию на тему «Теоретико-методологические основания социологии управления как отраслевой научной дисциплины». Имелось в виду прежде всего её отличие от учебной дисциплины и от менеджмента. На самом деле это амбициозный проект программы институциональной реформы исторически изжившей себя отечественной системы управления. Над этим, с согласия и при поддержке Учёного Совета нашего института, мы работаем уже более 10 последних лет.

— По-моему, один важный этап в твоей научной и научно-организационной деятельности требует особого рассмотрения. Я имею в виду время твоего руководства Социологическим институтом РАН (он тогда иначе назывался) в Санкт-Петербурге. Пожалуйста, напомни, когда это было и с какими проблемами на посту Директора ты встретился. Что удалось сделать?

— Похвастаться мне здесь особенно не чем. Это было два года (2003-2005) попыток поддержать на плаву падающую организацию, которая в своё время внесла заметный вклад в возрождение отечественной социологии. Здесь я впервые столкнулся с изнанкой расколотого социологического коллектива: между сторонниками действующего руководства (а его олицетворяли тогда С. Голод, А. Дука, О. Цепилова и ряд других менее известных фамилий) и оппозицией (А. Алексеев, И. Травин, О. Божков, Б. Максимов, В. Костюшев, Т. Протасенко и др. — всего человек 20). Этот раскол усугублялся групповыми интереса-

ми малочисленных секторов, где каждый поливал и удобрял свою грядку... После ухода с поста директора Бориса Фирсова в Институте так и не сложился центр, который был бы способен обеспечивать перспективу и координацию его работы... Была необходимость в общей научно-исследовательской программе Института, содержание которой мы довольно часто обсуждали с В. Голофастом. С ним был подготовлен и доклад о перспективах Института, с которым я выступал и в самом Институте, и на общем собрании РАН. Он был даже опубликован в «Телескопе». С. Голод, при всём уважении к его незаурядной личности, на роль организатора и разработчика такой программы не подходил. Сверху меня поддерживало руководство отделения общественных наук РАН (Учёный секретарь А.В. Дмитриев в частности), поскольку в Москве бродила идея присоединения СИ РАН к ИСЭП, то есть фактически подчинения социологии ядовского типа другой научной традиции. Этого не хотели допустить ни в ИС РАН в Москве (Ядов, Дробижина), ни Северо-западный академический Центр (академик Ж.И. Алфёров). За короткое время, мне, конечно, не удалось убедить весь коллектив в необходимости перемен в нужном направлении, но к концу моего периода мы уже работали в условиях консенсуса. В принципе ничего особенного в этой коллизии не было. Достаточно вспомнить, как трудно сходились и расходились П. Сорокин и Т. Парсонс при организации социологического факультета, как изгоняли социологов из ИСЭПа, как пришлось Ядову и Здравомыслову уезжать из Петербурга в Москву и многое другое. Примеров много. Социологи порой прозорливо говорят о существенных тенденциях и трендах общественного развития и совсем мало или ничего о развитии своего сообщества и своего труда. В частности, трудно объяснить тот странный факт, что в питерском Институте работало значительное число талантов без соответствующих учёных и даже кандидатских степеней, а руководство не готовило себе достойную смену. То же я наблюдаю и в московском ИС РАН. Чего ждут, на что надеются беспечные социологи, не понимаю. Каждая смена руководства в наших организациях, в том числе и в результате последних событий в Академии с так называемой реформой РАН, сопровождаются подковёрными играми с непредсказуемыми последствиями. После двух лет попыток изменить работу Института мне пришлось оставить это дело и перебраться в Москву по семейным обстоятельствам (супруге-москвичке не подходил питерский климат). Но нельзя не сознаться, что ускорила переезд и внезапная смерть В. Голофаста. Без его личного участия проводить перестройку в Институте мне было бы сложнее. У нас с ним были и планы относительно коллективной монографии по методологии социологического исследования, что укрепило бы и сам институт и отношения в нём. Но этому не суждено было сбыться. Главным своим достижением считаю всё то, что удалось сохранить Институт, разработать новые направления работы, укрепить отношения с отделением РАН по Северо-Западу. Мне обещали даже передать часть здания бывшей лаборатории И. Павлова, что рядом со зданием Библиотеки РАН. Когда я понял, что придётся уезжать из Петербурга, я убедил вице-президента РАН ак. В.Л. Макарова, поддержать кандидатуру чл-кор. РАН проф. И.И. Елисейевой на должность директора нашего Института в надежде, что наконец-то Институт получит квалифицированное и перспективное руководство. Мне казалось, что тем самым моя миссия выполнена. В Москве, кстати, появилась редкая возможность осуществить и собственные научные планы. Тогдашний директор ИС РАН Л.М. Дробижина предложила мне создать и возглавить в 2005 г. Центр по профилю моих интересов — по социологии управления. Здесь мне удалось реализовать и многое из того, что было задумано ещё в период короткого директорства в С-Петербурге. Последнее на эту тему: питерский СИ РАН на днях, когда я заканчивал это интервью, официально вошёл в состав нашего ИС РАН в качестве самостоятельного юридического лица. Я считаю, что это хорошая новость для отечествен-

ной социологии, кто, конечно, понимает, что это значит практически.

— **Ты с оптимизмом смотришь в будущее и говоришь о востребованности в будущем отечественного опыта промышленной социологии. На чем базируется твой оптимизм?**

— Не просто смотрю в будущее, а в меру сил создаю спрос на него. Мы, например, готовим документы вместе с двумя академическими институтами (экономики и прогнозирования) и министерством промышленности на создание центра, специализирующегося на разработках и внедрении технологий социального управления. Это аналог тех отраслевых институтов, которые поддерживали в наше время социолого-инженерные проекты и которые мы разрабатывали с Лапиным и Шкарата-ном в 80-е годы. Ты будешь смеяться над нашей наивностью, но посмотрим, может что-то и удастся сделать. Западные санкции как раз в жилу.

— **Теперь, пожалуйста, по порядку...**

— Я вернулся в Ленинград в 1974 году, где меня никто не ждал. В Татарии я был восстановлен в партийных рядах через ЦК (это отдельная история не для истории социологии), но никто в Питере не решился взять меня на работу. Как ни парадоксально, но попасть на кафедру педагогики и социологии ВПШК (Высшей профсоюзной школы культуры ВЦСПС) в качестве простого преподавателя можно было только с разрешения Обкома партии. В итоге я проработал в этой системе почти до самой перестройки, постоянно находясь под «колпаком у Мюллера». Я не сразу, но догадался, что трое из моего ближайшего окружения находятся на службе в КГБ. Один потом сам сознался и сейчас живёт в Москве. Другой не так давно умер, не раскаявшись, а третий до сих пор вращается в питерских социологических кругах и слывёт уважаемым человеком. Ему однажды я набил морду, когда разоблачил, и с тех пор не общаюсь. Но уже можно и простить. Он это делал, как я думаю, из страха.

И не только я, но и вся ленинградская социология тогда была под колпаком. Когда на короткое время в 1990-1991 г. я стал одним из отцов города (зампредом демократического Ленгорисполкома по социальной политике), я обратился в органы КГБ, чтобы мне показали моё досье. Они сильно тухнули, сказали, что «дела» на меня не было, а все действия проводились по звонку из Смольного в целях профилактики. Хотя это было, конечно, враньём. Сейчас жалею, что тогда не проявил настойчивость. Мог бы и дожать. Просто времени не было, но если кому-нибудь когда-нибудь удастся забраться в архивы этой непотопляемой организации, то они узнают много интересного из истории отечественной социологии советского периода. В роли руководителя социологической лаборатории ВПШК, подчинявшейся фактически культотделу ВЦСПС, я проработал более 12 лет. Особыми научными достижениями эти годы отмечены не были. Много эмпирических исследований клубной аудитории и поездов по регионам, попытки провести честные исследования по проблемам грядущих перемен в стране пресекались самым жёстким образом. Были изъяты и уничтожены массивы двух опросов, а мне пришлось уйти на работу по инженерной специальности в производственное объединение «ЭЛЕКТРОНМАШ» только за вопрос: «Ожидаете ли Вы перемен» в анкете «Дела и заботы профсоюзные». Весь тираж, в количестве 10 тыс. экз., был арестован.

Здесь, нужно отдать должное, оперативно сработали те самые, окружавшие меня под видом соратников, осведомители. Замячило новое персональное дело. Пришёл к В.А. Ядову, спрашивает: что надо? Отвечаю: «Написать, что тест на ожидание перемен не антисоветский, а научный». Он сел за пишущую машинку и тут же написал положительный отзыв. К этому времени мы заканчивали панельное исследование по старой теме «Человек и его работа». В нём я использовал некоторые идеи и подходы, которые приобрёл в «ТАТНЕФТИ». Мои общественно-политические взгляды того времени отражены в материалах

полуформализованного интервью, проводившегося секретно А.Н. Алексеевым среди ограниченного круга социологов (об этом я уже упоминал). Но, тем не менее, и ему пришлось худо: кто-то его заложил. Скорее всего, кто-то из тех, кто печатал обобщённые данные. Андрей об этом лучше может рассказать.

— **Пошли дальше...**

— Второй этап — демократический: примерно с начала перестройки и почти до конца века. Я в прекрасном 50-летнем возрасте. У меня, особенно на начальном этапе, когда я ещё не разочаровался в освободительной миссии рынка «по-русски», было невероятное ощущение свободы слова и творчества. Казалось, что всё возможно, надо только захотеть и организовать. В чём я только не участвовал в это время! Даже трудно перечислить: Клуб «Перестройка» в ДК Ленсовета, Народный фронт, Дягилев-клуб, социальная и культурная политика в городе, страховое дело в городе, а потом и в стране (член Президиума Всероссийского союза страховщиков), Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Международная школа молодых учёных С.А.Кугеля, кафедра социологии управления в Таврическом Дворце, где сначала располагалась Высшая партшкола, а потом Северо-Западная академия госслужбы, Санкт-Петербургский социал— демократический Союз, который стал важным звеном в создании РОСДП — Российской объединённой социал-демократической партии во главе с М.С.Горбачёвым. Здесь я был членом Политбюро.

Наконец, академический этап. Подготовка и защита докторской диссертации окончательно определили мой профиль в социологии: объект — управление как социальное явление, а предмет — управляемость социальных процессов. Казалось бы, что всё это сугубо прикладные вещи. В словаре «Современная западная социология» (М., Политиздат, 1990; Отв. ред. Ю.Н. Давыдов) социология управления рассматривалась как прикладная отрасль, изучающая социологическую надстройку над менеджментом. Менеджмент же, по словам автора этого определения А.И.Кравченко, охватывает также экономические, технико-организационные, юридические и психологические вопросы делового предпринимательства. Тогда эту позицию разделяли все, в т.ч. Ядов, Лапин, питерские коллеги. Я, конечно, согласиться с этим не мог. Не буду занудствовать, но скажу коротко, что я выдвинул четыре дихотомии в обоснование подходов, на которых может строиться современная социология управления: 1) социогуманитарный или естественнонаучный (кибернетика, синергетика, например), 2) социологический или социальный (типа социальной инженерии), 3) институциональный (управление как социальный институт) или менеджериальный (в духе П. Друкера), 4) теоретико-прикладной или сугубо прикладной. Моя позиция, которую я защищаю и развиваю все эти годы, складывается из совокупности первых частей этих дихотомий. Подробнее об этом можно узнать из моей монографии «Социология управления» (2009 г.) и др., хотя, конечно, это очень специальная тема и не очень интересная для социологов других направлений.

Главное в том, что за последнее 10-летие проблема управляемости социальных процессов на фоне войн и кризисов превратилась в макросоциологическую, а Ядов, в одной из своих последних работ, даже отнёс управление к одной из четырех социальных универсалий, наряду с территорией, населением и ценностями. Я это к тому, что направление, которое я выбрал в социологии, становится всё более актуальным. Если открыть 5-ти томник по истории теоретической социологии (отв. ред. Ю.Н. Давыдов, 2010 г.), то увидим, что социальные теории и сама философия начались с проблем управления («Государство» Платона, например). Для России это сегодня коренной вопрос выживания в мире бушующем. Многие думают, что это вопрос власти. Нет, это вопрос социокультурной эволюции управления; у нас до сих пор, какая бы власть не пришла, получается как в анекдоте, автомат Калашникова. Мир признал теорию и практику менеджмента. В энциклопедическом справочнике

американской ассоциации управления 1997 г. говорится, что самой крупной статьёй экспорта и самым ценным вкладом Америки в мировую культуру в 20 веке является менеджмент. Нам нужно знать и использовать этот опыт, но при этом, учитывая своеобразие нашей цивилизационной трансформации, нам нужна своя методология и теория управления. Над этим мы сейчас и работаем. Для меня последние 15 лет — это самые плодотворные и, можно сказать, счастливые годы в жизни: с утра до вечера занимаюсь как раз теми проблемами, которые меня больше всего волнуют. Никто мне не указывает, что и как нужно делать. Академическая обстановка — это как раз то, чего мне не хватало все предшествующие годы. За это я очень благодарен судьбе, своему институту, руководству персонально и небольшому, но динамичному и творческому коллективу Центра социологии управления.

Идущая сейчас реформа РАН, мягко говоря, настораживает. Тем не менее, работа ведётся по нескольким направлениям: 1) дальнейшая проработка социально-философских и эпистемологических оснований социологии, чтобы она могла корреспондироваться с проблемами управления. Центральным вопросом здесь я считаю понятие постнеклассической рациональности. 2) Затем связь социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Ведь параллельно с нами ведутся разработки так называемых НБИКС-технологий (институт им. Курчатова), т.е. нано-био-инфо-когни-социо-У нас есть лаборатория, которая переключилась на исследование социоинформационных технологий в управлении. 3) Уже несколько лет идёт инициативное исследование трансформации властно-управленческой вертикали в стране в территориальных и отраслевых аспектах. Сейчас на эту проблему мы получили грант РФ. Редкий и почти невероятный случай. 4) Большое внимание уделяется управлению в бизнес-организациях и на местном уровне. Монография по проблемам реформирования отечественной системы управления запланирована на 2017 год. 5) Вышел коллективный труд под названием «Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь». Здесь, как говорится, лиха беда начало. Он (словарь) сейчас очень нужен для консолидации научного сообщества и для подготовки нового этапа исследований с перспективой начала глобального интенсивного этапа развития страны. Всё к этому идёт, если не помешают злые силы.

— **Всё это хорошо, но кто выступает заказчиком на вашу героическую работу? Какие шансы на реализацию ваших наработок?**

— Настоящего заказчика пока нет. Единственный, кто из властных структур заинтересовался этим, был ушедший в отставку министр финансов А. Кудрин, с которым я работал в правительстве Санкт— Петербурга. В итоге прихожу к выводу, что заказчика надо готовить самим, чем мы сейчас и занимаемся. Суть проблемы в том, что сегодняшняя российская элита (вернее, политический класс) не заинтересована в организации эффективного управления в стране, в отличие от американцев в период великой депрессии. Её пока устраивает имитация под Запад. Но на телеге прошлого, как известно, далеко не уедешь. Думаю, что сегодняшний кризис принудит их или тех, кто их сменит, этим заняться серьёзно. России некуда больше деваться, кроме как отбросить имперские амбиции и взяться, наконец, за программу интенсивного цивилизационного развития. А это будет означать востребованность и социологии в целом, и социологии управления, в частности.

— **Видишь, что ты думаешь о будущем. Не мог бы ты обозначить некоторые планы на ближайшие годы?**

Понедельник, как известно, начинается в субботу. Сейчас, например, готовлюсь к выступлению на учёном совете нашего института в связи с обсуждением последней монографии Ж.Т. Тощенко под названием «фантомы российского общества». Она только что вышла из печати. Это оригинальное обобщение исследований российской жизни за последние 25 лет. Почитай

сам. Начнёшь — не оторвёшься. Параллельно с этим стал читать тоже толстенную книгу «Государство. Общество. Управление» под ред. С. Никольского из ИФ РАН и М. Ходорковского. И тоже интересно, хотя это уже другое чтиво — про либеральную идеологию госстроительства, на реализацию которой кое-кто у нас питает надежды. Две эти книги вместе являются свидетельством цивилизационного раскола в нашем обществе почти по А. Ахиезеру, что напоминает обстановку в начале 20-го века. Чтобы разобраться стал перечитывать А. Тойнби «Постижение истории», которого у нас пролистали в 90-е и забыли. И я тоже. Не до этого было. Сейчас я думаю, что матерью социологии являются не философия или экономика, а всё же история. Она и концептуальная, и эмпирическая наука. Особенно впечатлил Р. Коллинз своей «Макроисторией» (М., 2015). Заодно перечитываю историю социологии и мировую (по Ю.Н. Давыдову) и отечественную (по А.А. Бороноеву). Временами приходит мысль, что социология ещё не совсем наука. Ну, конечно, не бледная тень настоящей науки, как это сказано у М. Фуко, а преднаука. На эту тему у меня есть статья в «Социсе» и в сборнике «Новые идеи в социологии» (М., 2013). Это значит, что у нас и у нашего объекта исследований всё ещё впереди. Если совсем конкретно, то на ближайшие пять лет вместе с Н.И. Лапиным готовится исследование влияния социокультурных

различий между российскими регионами на расхождение реальных и латентных механизмов функционирования властно-управленческой вертикали. Это движение по пути к новому федерализму. Готовится и Форум под эгидой ЮНЕСКО по проблеме диалога культур и цивилизаций, механизмы инверсии и медиации в управлении многополярным миром. У нас уже прошло два «Круглых стола» на эту тему. Готовится и коллективная монография: «Новые идеи в социологии управления». Всего не перечислить.

Хочу закончить, как, наверное, и все, с кем ты работаешь, словами благодарности за твоё подвижничество. Я бы до конца дней не сел за эти мемуары, если бы ты так душевно и авторитетно меня не организовал. Сначала хотел было отделаться, а потом увлёкся: а действительно, что и зачем я делаю, и что из этого получается? Стало немного яснее, по крайней мере, для себя самого. К тому же через тебя я посылаю привет всем тем, с кем прямо или косвенно связан общей социологической судьбой. Общество неисчерпаемо, как человек и как природа. Работаем дальше! Может быть, кого-то твои интервью подтолкнут к новым идеям относительно законов, которыми пытается овладеть человечество, и у него это получится.

Москва
7.07.2016.